

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-3-16-25>

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Александр Владимирович Червяковский

Омская академия МВД России, 644092, Россия, г. Омск, ул. Комарова, д. 7
chervaleksandr@yandex.ru

Аннотация

Мысленный эксперимент – один из распространенных методов, применяемых в современной философии права. Автор с помощью методов диалектики, герменевтики и аксиологии анализирует используемые западными философами права эксперименты и делит их на две группы. Первая группа включает небольшие вымышленные или реальные ситуации, с помощью которых ставятся, в частности, вопросы соответствия права морали и справедливости. В качестве примеров приводятся мысленные эксперименты Дж. Роулза, М. Сэндела и Л. Фуллера. Вторая группа мысленных экспериментов, представленных в работах С. Шапира, Г. Харта и Л. Фуллера, заключается в конструировании отдельных социальных миров, с помощью которых ученые пытаются обосновать или опровергнуть различные концепции правопонимания.

Ключевые слова: мысленный эксперимент; аналитическая философия; конструктивистская стратегия; С. Шапиро; Г. Харт; Л. Фуллер.

Для цитирования: Червяковский А. В. Мысленный эксперимент в современной западной философии права // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 3. С. 16–25. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-3-16-25>

Research Article

A THOUGHT EXPERIMENT IN MODERN WESTERN PHILOSOPHY OF LAW

Alexander V. Chervyakovsky

Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs, 7 Komarova St., Omsk,
644092, Russia

chervaleksandr@yandex.ru

Abstract

Thought experiment is one of the common methods used in modern philosophy of law. The author uses dialectical, hermeneutic and axiological methods to analyze the experimental rights applied by Western philosophers and divides them into two groups. The first is that scientists propose small fictitious or real situations, through which they pose questions of conformity of morality and justice. Examples of thought experiments are given by J. Rawls, M. Sandel, L. Fuller. The second group of thought experiments in the works of S. Shapiro G. Hart and L. Fuller is a construction of separate social worlds, through which scientists try to substantiate or disprove concepts of right-understanding.

Keywords: thought experiment; analytical philosophy; constructivist strategy; S. Shapiro; G. Hart; L. Fuller.

For citation: Chervyakovsky A. V. A Thought Experiment in Modern Western Philosophy of Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 3, pp. 16–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-3-16-25>

Введение

Мысленный эксперимент является формой работы с мысленными моделями [1, с. 61] и применяется как средство познания и проверки гипотез представителями не только естественных наук, но и философии, а также социальных наук. Такие эксперименты широко используются в этике и экспериментальной философии. Большое распространение получили конструкции, связанные с вымышленными и нереальными ситуациями, в которых присутствуют постоянные обстоятельства, не подлежащие изменению, и вариации, используемые исследователем для проверки тех или иных суждений, которые он желает подвергнуть критическому анализу. Часто это напоминает задачи по уголовному праву или другим юридическим дисциплинам. Однако в предлагаемых учеными казусах вопрос стоит не в правиль-

ной квалификации деяния с точки зрения статей и пунктов Уголовного кодекса или иных законов, а в моральном или ином выборе исследователя либо других участников мысленного эксперимента и его обосновании. Как отмечает Н. И. Мартишина [2, с. 57], мысленный эксперимент больше напоминает конструирование юридической коллизии, которая, хотя и основана на реальности, доводится до крайности, требуя от исследователя или привлекаемых наблюдателей принять решение. Решение моральных проблем не только получило развитие в работах представителей этической философии, но и нашло отражение в трудах специалистов в области социальных наук, в том числе юриспруденции.

1. Мысленные эксперименты М. Сэндела, Л. Фуллера и Дж. Роулза

Наибольшую популярность получили эксперименты с «вагонетками» и подобными ситуациями, в связи с чем даже появилось целое направление – «вагонеткология» [3, с. 26]. Рассмотрим краткое описание одной из таких конструкций в том варианте, который в своих лекциях приводит американский философ Майкл Сэндел [4, с. 34–35].

Представьте, что на большой скорости движется трамвай (в некоторых версиях – поезд, однако главное, что движение происходит по рельсам). Вы – водитель этого транспортного средства. Вдруг вы замечаете вдалеке пятерых рабочих, находящихся на путях. Вы пытаетесь затормозить, но тормоза отказали. Вы оказываетесь в отчаянной ситуации: если не остановиться, пятеро рабочих погибнут. Однако вы замечаете боковую ветку, на которую можно переключить вагонетку. На этой ветке находится один рабочий. Если вы переключите путь, погибнет один человек, но пятеро будут спасены. Как бы вы поступили?

В дальнейшем указанная ситуация усложняется: появляются новые персонажи, изменяется длина дорожного полотна и т.п. Сходные варианты выбора между убийством пяти и одного человека могут моделироваться на различных примерах. Одна из версий данного мысленного эксперимента была представлена еще в 1967 г. Филиппой Фут в журнале «*Oxford Review*» [3, с. 25]. Несмотря на то что приведенные вариации имеют преимущественно этическую направленность, они, безусловно, позволяют задуматься и над проблемами привлечения виновных к юридической ответственности.

В 1949 г. Лон Льюис Фуллер разработал мысленный эксперимент, представляющий собой судебное разбирательство по так называемому делу спелеологов [5, с. 343–372]. События происходят в далеком будущем, в постапокалиптическом вымышленном государстве Ньюгарт. Суд должен вынести решение по делу, в котором ключевым обстоятельством являются действия группы спелеологов, оказавшихся замурованными в пещере. На 23-й день после обвала они убили и съели одного из своих сотоварищей, чтобы выжить. Суд графства признал спелеологов виновными в убийстве, однако они подали апелляцию в верховный суд государства. Л. Фуллер описывает вымышленное заседание верховного суда, на котором судьи выступают с речами как в защиту подсудимых, так и с требованиями оставить приговор в силе. В итоге решение суда графства остается неизменным, поскольку голоса членов верховного суда разделились поровну.

Вслед за Л. Фуллером приведенные речи судей интерпретируются как вариации применения к судебной деятельности различных подходов к правопониманию. Как сам ученый отмечает, данное дело «было выдумано мною только для того, чтобы обратить внимание на расхождения среди философов по поводу права и правления» [5, с. 372]. Ситуация со спелеологами в пещере и связанное с ней судебное разбирательство анализируются британским антропологом Маргарет Мэри Дуглас в введении к своей работе «Как мыслят институты». Она соглашается с тем, что все судьи в деле рассматривают ситуацию с точки зрения распространенных подходов в праве. Однако М. Дуглас, как и многие исследователи мыслительных экспериментов, усложняет ситуацию, предлагая представить, что группа людей, оказавшихся в пещере и не поддающихся спасению, были бы либо приверженцами жесткой иерархии, либо религиозными сектантами. По ее мнению, и те и другие вряд ли стали бы кого-либо есть: первые долго бы спорили относительно кандидатуры жертвы, а вторые бы молились и думали о спасении. «И только индивидуалисты, ничем не связанные друг с другом и не придерживающиеся принципов солидарности, решили бы, что нужно сыграть в каннибальскую игру» [6, с. 60].

Мысленный эксперимент, с помощью которого обосновывается современная вариация теории общественного договора, предложил американский философ Джон Роулз. В работе «Теория справедливости» [7] он, формулируя разработанную им концепцию права как честности, говорит о «занавесе неведения». Люди заключают гипотетический общественный договор, при этом не представляют, в каком именно состоянии они окажутся после его заключения: будут ли они богатыми или бедными, включенными в элиту будущего созданного общества или окажутся лишенными таких преимуществ. Именно этот занавес позволяет добиваться того, что, когда индивиды выбирают варианты будущего своего поведения по отношению друг к другу, никто полностью (по-крупному) не выигрывает и не проигрывает.

Примеров указанных выше мыслительных экспериментов, посвященных вопросам права и морали, достаточно много. Некоторые из них возникли из реальных ситуаций, другие оказались придуманы философами, юристами и другими учеными. Эксперименты излагаются профессорско-преподавательским составом в процессе преподавания не только философии, этики, но и других дисциплин в различных учебных заведениях. В США курсанты военной академии, чтобы получить определенные представления о справедливости осуществления военных действий, знакомятся с «вагонеткологией» [3, с. 27–28]. Анализ ситуации «тикающей бомбы» может стать хорошим образцом для подготовки будущих полицейских и в целом сотрудников правоохранительных органов. Интересным и очень познавательным, на наш взгляд, является курс М. Сэндела «Justice» («Справедливость»), прочитанный им в Гарвардском университете. Отдельные казусы находят отражение и в работах российских ученых и преподавателей [8; 9].

Такие мысленные эксперименты, безусловно, привлекают внимание и позволяют приблизиться к решению актуальных моральных и правовых проблем. Благодаря выявленным критериям морального, правового и справедливого мы можем выработать позицию, сформулировать принципы, с помощью которых могут

обосновываться принимаемые законодательные и судебные решения относительно права граждан на аборт, эвтаназию, запрет на употребление наркотиков и т.п.

2. Конструктивистская стратегия С. Шапино и мысленные эксперименты Г. Харта, Л. Фуллера и С. Шапино

В дальнейшем рассмотрим мысленные эксперименты, больше напоминающие конструирование отдельных социальных миров, с помощью которых авторы работ пытаются не столько обратить внимание на возможную вариативность выбора при принятии решений, сколько обосновать или, наоборот, опровергнуть ту или иную концепцию правопонимания.

Проблемам методологии научного исследования достаточно большое внимание, на наш взгляд, уделяет американский философ права Скотт Шапино. В работе «Законность» [10] анализируются отличия нормативной от аналитической юриспруденции, обращается большое внимание на содержание главных вопросов, стоящих перед аналитической юриспруденцией (вопрос об идентичности и вопрос о последствиях). Раскрывая сущность концептуального анализа, применяемого аналитической философией права, С. Шапино объясняет читателю, что собой представляет трюизм и какое он имеет значение в праве и юриспруденции. Кроме того, ученый выделяет «компенсирующие стратегии». Такие стратегии, по мнению С. Шапино, необходимы, чтобы скорректировать или смягчить недостатки, присущие философскому познанию, в отличие от логики, математики, «которые обладают алгоритмами для наглядного доказательства теорем» [10, с. 61]. Всего выделяется исследователем четыре таких стратегии: сравнительная стратегия, решение загадок, конструктивистская и анекдотическая. Нас больше интересует третья стратегия – конструктивистская, она предполагает построение гипотетической правовой системы. Для работы с такой стратегией есть определенный алгоритм. Как пишет С. Шапино, для начала ученый должен предложить простую ситуацию, не имеющую отношения к праву. Однако затем данное предположение анализируется через категории юридической науки, и уже выбранная автором ситуация вписывается в правовую систему, через исследование которой и раскрывается понимание того, что, по мнению ученого, использующего данную стратегию, и понимается правом.

Вот такая конструктивистская стратегия, такая объясняющая модель применяется рядом ученых, в том числе современных западных философов права, при обосновании того, что собой представляет право. Подобное конструирование больше, наверное, надо отнести к правовому моделированию, тем не менее, на наш взгляд, указанные модели тоже представляют собой разновидность мысленных экспериментов. Как отмечает английский экономист М. С. Морган, «мысленные эксперименты являются версиями реального мира, пойманного в искусственных лабораторных условиях, модели – искусственные миры, построенные с целью репрезентации реального мира» [11, с. 317].

В качестве примеров использования конструктивистской стратегии приведем примеры из исследований не только самого С. Шапино, но и Г. Харта, а также Л. Фуллера.

Сам С. Шапиро, раскрывая содержание конструктивистской стратегии, приводит пример из работы английского философа и теоретика права Г. Л. А. Харта «Понятие права» [12]. Напомним, что последний в своем исследовании критикует теорию английского теоретика права Дж. Остина. Г. Харт начинает с обычного грабителя, требующего от гражданина денег. Грабителя вряд ли можно сравнить с попрошайкой, нищим, просящим еды или тех же денег. Но вопрос в том, чем грабитель отличается от полицейского, требующего выйти из машины, от командующего, отдающего приказы, от налогового инспектора или судьи, обязывающих нас заплатить налоги, т.е. тем самым передать те же денежные средства, только уже не грабителю, а в казну государства. Чем правовые предписания отличаются от приказов, отдаваемых грабителем? Грабитель командует в отношении других лиц, которые в силу принуждения обязаны ему подчиняться. Так ли поступает государственная власть, подчиняется ли она принимаемым ей же законам? Первоначальная ситуация, описываемая Г. Хартом, в дальнейшем в процессе чтения работы меняется. Автор путем внесения определенных поправок выстраивает правовую систему, в которой вооруженный преступник превращается в правового суверена. Из текста работы мы узнаем, что в отличие от приказов грабителя законы являются общими, должны быть доведены до заинтересованных лиц, на них распространяются также требования постоянства и общеобязательности (т.е. быть такими, которым в большинстве своем граждане обязательно подчиняются) для всех лиц, находящихся на определенной территории. В конце второй главы Г. Харт делает следующий вывод относительно лица или лиц, издающих законы: «Если, следуя Остину, мы назовем такое верховное и независимое лицо или орган сувереном, законы любой страны будут общими приказами, подкрепленными угрозами, которые исходят либо от суверена, либо от подчиненных, повинующихся суверену» [12, с. 33].

Однако приведенный пример – не единственный случай в работе английского философа, когда тот использует конструктивистскую стратегию для обоснования своих выводов относительно понимания права. В дальнейших главах Г. Харт продолжает критиковать командную (приказную) теорию, подчеркивая, что право нельзя сводить только к приказам, привычкам и требованиям повиновения. В четвертой главе работы мы встречаемся с новым сконструированным миром. Фактически Г. Харт развивает свою ранее предложенную конструкцию, только теперь вместо вооруженного грабителя перед нами абсолютный монарх Рекс I, который правит в этом обществе. Рекс I необходим теоретику права, чтобы обосновать преемственность власти суверена издавать законы, которым должны следовать подданные, стабильность правовой системы, в том числе при последующей смене правителя и т. д. Г. Харт рассматривает право как систему первичных и вторичных правовых норм. Вторичные правила состоят из трех разновидностей – правил признания, правил изменения и правил вынесения судебного решения (юрисдикции). Чтобы обосновать наличие в современной правовой системе вторичных правил, философ в пятой главе прибегает к еще одной конструкции – доправового общества. Такое общество лишено вторичных правил. Нехваткой вторичных норм объясняет ученый и состояние международного права.

Американский философ права Л. Фуллер известен не только казусом «дела слепологов», но также конструированием еще одного выдуманного общества. В концепции Л. Фуллера, в отличие от проектов Г. Харта и С. Шапино, казалось бы, нет доправового общества, нет и ситуации, не являющейся в полной мере правовой, которая берется для последующего анализа правовой системы путем включения в рассматриваемый казус правовых аспектов. Л. Фуллер в своей работе «Мораль права» [13] конструирует мир, в котором уже есть правовая система. В этом обществе правит король Кароль. Но правовая система к моменту начала правления монарха оказывается настолько плохой, что, взойдя на трон, Кароль, чувствуя себя в душе реформатором, решает исправить все недостатки существующего права в этом мире и стать по-настоящему великим законодателем. Однако, как мы видим при дальнейшем чтении первой главы работы, амбициозный монарх, несмотря на множество попыток исправить допущенные ошибки и начать все с начала, не преуспел в своих начинаниях и умер, так и не дождавшись эффективной и успешной реализации своих начинаний. Л. Фуллер, конструируя процесс реформ Кароля, формулирует основные требования «внутренней морали права»: 1) всеобщность и нормативность; 2) обнародование; 3) ограничение обратной силы; 4) доступность; 5) непротиворечивость; 6) стабильность; 7) исполнимость; 8) эффективность реализации [13, с. 53]. Тем самым каждая ошибка придуманного ученым монарха приводит к установлению очередного требования к законам.

С. Шапино, предложивший нам описание конструктивистской стратегии, также использует ее возможности. В его работе помимо анализа ранее представленных нами мысленных моделей правового общества Г. Харта мы также встречаем своеобразное конструирование правовой системы. Первоначально С. Шапино описывает ситуацию, которая не является правовой по своей сути. Один человек решил не идти в ресторан и приготовить ужин самостоятельно. Необходимо заранее позаботиться о том, что необходимо для готовки блюд. Затем оказывается, что он решил, что этот ужин будет готовить не один, а пригласит для участия в этом мероприятии своего друга. Опять же возникают вопросы планирования, начиная с похода в магазин, покупки товаров и заканчивая тем, кто каким ножом будет орудовать на кухне. Таким образом описываются первоначальные, пока еще неправовые вопросы планирования. Но в отличие от ранее рассмотренных примеров конструктивистской стратегии С. Шапино уделяет в работе достаточно много места этому процессу. В дальнейшем уже вошедшее в привычку приготовление ужина с другом перерастает в кулинарный клуб, который затем трансформируется в предприятие, специализирующееся на изготовлении готовой еды. Это уже правовое общество, которое не только производит продукцию для потребления другими людьми, но и нанимает рабочих, платит зарплату, устанавливает определенные правила внутреннего трудового распорядка. Но и это не все. Учредители и участники предприятия в конце концов, несмотря на достигнутые успехи, решаются оставить производство и перебраться на необитаемый остров, чтобы стать колонистами и организовать поселение на основе выработанных принципов. Как пишет С. Шапино, «мы планируем жить за счет земли, относиться друг к другу с равной заботой и уважением, избегать средств социального контроля и жить долго

и счастливо» [10, с. 273]. Как тут не вспомнить социальные эксперименты, проводимые на практике социалистами-утопистами и другими мечтателями о лучшей жизни [14, с. 50].

Но в отличие от них американский философ все-таки описывает выдуманную им конструкцию, не претендующую на дальнейшее осуществление; его задача другая – с ее помощью обосновать правовую теорию планирования, разработанный им вариант нормативного подхода к пониманию права. По мнению С. Шапино, право – средство разрешения моральных споров, способ принятия решений в условиях сложного общества. Когда затраты на споры и дискуссии оказываются значительными, стороны соглашаются выбрать лиц, которые будут обладать полномочиями в принятии решений, затрагивающих членов общества. Использование конструктивистской стратегии С. Шапино необходимо не только для того, чтобы мы, вслед за ученым, смогли прийти к выводу, что право состоит из планов и планоподобных норм, но и для обоснования других важных положений его доктрины, в частности допустимости существования бессанкционных правовых систем, необходимости в обществах сложных форм социального планирования, иерархичности, невозможности решения в обществе проблем только на основе морали. В отличие от ранее рассмотренных примеров ученый приводит нам вполне реалистичную модель, и мы можем вообразить себя как желающих приготовить ужин вдвоем, так и участниками «кулинарного клуба», и даже гражданином острова Кука. Такая модель вполне могла стать основой для реального эксперимента.

Заключение

Мысленный эксперимент – это сложный метод научного и философского познания действительности, который может применяться в сочетании с другими методами исследования в различных областях науки, включая юриспруденцию. При этом мысленные эксперименты различаются как по объему и масштабу вовлекаемых вымышленных (или даже реальных) ситуаций, так и по задачам, которые ставит перед собой исследователь-экспериментатор. На наш взгляд, все рассмотренные выше мысленные эксперименты можно разделить на две большие группы. Первая группа включает небольшие, обычно локальные ситуации, с помощью которых ученые и участники анализа мысленных моделей пытаются ответить на проблемные философские и правовые вопросы – например, о соотношении права и морали, справедливости, правового и морального выбора в сложных обстоятельствах. Вторая группа мысленных экспериментов предполагает более объемное и сложное конструирование вымышленной социальной реальности. Используя такие конструкции, философы и теоретики права не только анализируют и критикуют научные построения своих предшественников, но и выстраивают аргументы в пользу обоснования собственных подходов к пониманию права, опираясь на результаты этих мысленных экспериментов.

Пристатейный библиографический список

1. *Иойлева Г. В.* Специфика моделирования и мысленный эксперимент в научном познании // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1.
2. *Мартышина Н. И.* Мысленный эксперимент в философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3 (50).
3. *Эдмондс Д.* Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.
4. *Сэндел М.* Справедливость. Как поступать правильно? / пер. с англ. А. Калинина. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
5. *Фуллер Л. Л.* Дело спелеологов / пер. с англ. В. Целищева / *Харт Г.* Философия и язык права. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017.
6. *Дуглас М.* Как мыслят институты / пер с англ. А. Корбута. М. : Элементарные формы, 2020.
7. *Ролз Д.* Теория справедливости / пер. с англ. ; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
8. *Шафиров В. М., Мишина И. Д., Рудаков А. А., Панченко В. Ю., Петров А. А., Шайхутдинов Е. М.* Проблемы теории государства и права : учебно-методическое пособие. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012.
9. Теория государства и права : игропрактикум / под ред. В. Б. Исакова. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2020.
10. *Шаниро С.* Законность / пер с англ. С. Коваль ; под науч. ред. А. Павлова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2021.
11. *Morgan M. S.* Experiments Versus Models: New Phenomena, Inference and Surprise // *Journal of Economic Methodology*. 2005. Vol. 12 (2).
12. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007.
13. *Фуллер Л. Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой ; под ред А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2007.
14. *Логиновских Т. А.* Социальный эксперимент как форма инновационной практики. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011.

References

1. *Ioileva G. V.* Specificity of Modeling and Thought Experiment in Scientific Knowledge. *Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 1. (In Russ.)
2. *Martishina N. I.* Thought Experiment in the Philosophy of Law. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3 (50). (In Russ.)
3. *Edmonds D.; Kralechkin D. (trans.).* Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem: What Is Good and What Is Bad? Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2016. (In Russ.)

4. Sandel M.; Kalinina A. (trans.). Justice. How to Do the Right Thing? Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. (In Russ.)
5. Fuller L. L.; Tselishchev V. (trans.). The Case of the Speleologists. In Hart G. Philosophy and Language of Law. Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation", 2017. (In Russ.)
6. Douglas M.; Korbust A. (trans.). How Institutions Think. Moscow: Elementary Forms, 2020. (In Russ.)
7. Rawls D.; Tselishchev V. V. (ed.). Theory of Justice. Moscow: LKI Publishing House, 2010. (In Russ.)
8. Shafirov V. M., Mishina I. D., Rudakov A. A., Panchenko V. Iu., Petrov A. A., Shaikhutdinov E. M. Problems of the Theory of State and Law: Teaching Aid. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2012. (In Russ.)
9. Isakov V. B. (ed.). Theory of State and Law: Game Practice. Moscow: Norma; Infra-M, 2020. (In Russ.)
10. Shapiro S.; Koval S. (trans.); Pavlov A. (ed.). Legality. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. (In Russ.)
11. Morgan M. S. Experiments Versus Models: New Phenomena, Inference and Surprise. *Journal of Economic Methodology*, 2005, vol. 12 (2). (In Russ.)
12. Hart G. L. A.; Afanasin E. V., Moiseev S. V. (eds.). The Concept of Law. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2007. (In Russ.)
13. Fuller L. L.; Danilova T. (trans.); Kuriaev A. (ed.). Morality of Law. Moscow: Irisen, 2007. (In Russ.)
14. Loginovskikh T. A. Social Experiment as a Form of Innovative Practice. Yekaterinburg: Russian State Professional Pedagogical University, 2011. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. В. Червяковский – кандидат юридических наук, доцент.

Information about author:

A. V. Chervyakovsky – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted to the editorial office 23.12.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 02.06.2025.